

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ: ИСТОЧНИКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Борис Васильевич Корнейчук,

доктор экономических наук, профессор департамента экономики,
Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики
(Санкт-Петербургский филиал),
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: bkorn59@mail.ru, bkorneychuk@hse.ru

Авторы мобилизационных сценариев развития российской экономики следуют историческому методу и предлагают национализировать основные отрасли экономики, возродить советскую плановую систему, заимствовать элементы экономики Германии 30-х гг. Критики такого подхода указывают на несовместимость плановой системы и частного интереса, который мотивирует инновации и служит источником развития. Мобилизационные сценарии рассматриваются ими как прикрытие для политических целей и средством милитаризации экономики. Автор статьи исходит из того, что мобилизационное мышление сформировалось в тоталитарном обществе при социальном неравенстве и агрессивном воздействии государства на общественное мнение. Соответственно он выделил три источника мобилизационного мышления: национализм, социальную иерархию и аберрацию общественного сознания. Экономический национализм, или протекционизм, проявляется в мобилизационных сценариях в форме мер жесткого валютного регулирования и других изоляционистских мер. Показано, что отсутствие этических принципов может приводить сторонников национализма к выводам, неприемлемым с точки зрения общепринятой морали. Укоренившиеся идеи неравенства и превосходства послужили вторым фактором мобилизационного мышления, отвергающего демократию и предполагающего иерархическую систему общественных отношений. Аберрация общественного сознания есть продукт тоталитарного общества, в котором под воздействием пропаганды складывается неуважительное отношение к истине, которое проникает в науку. Аберрация проявляется в форме конспирологии, экономического догматизма и мифологизации истории. Мобилизационные сценарии включают реформы финансовой системы, основанные на опыте советской и германской довоенных экономик. Их сущность состоит в расширении директивных методов и ограничении финансовых рынков, в результате чего деньги и ставка процента становятся формальными учетными показателями. В сценариях предлагаются директивные методы стимулирования инвестиций: установление дифференцированных ставок по кредитам, эмиссия «инвестиционного рубля» и другие. Автор показывает необоснованность метода создания «специальных активов», ссылаясь на макроэкономическую модель «инвестиционной ловушки» и опыт эмиссии ваучеров в России 1990-х гг.

Ключевые слова: мобилизация ресурсов; плановая экономика; исторический метод; протекционизм; монетарная политика

MOBILIZATION SCENARIOS OF DEVELOPMENT: ORIGINS AND CONSEQUENCES

Boris V. Korneychuk,

Doct. Sci. (Econ.), Professor of Department of Economics,
National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg branch),
St. Petersburg, Russia,
e-mail: bkorn59@mail.ru, bkorneychuk@hse.ru

The authors, offering mobilization scenarios for the development of the Russian economy, follow the historical method and propose to nationalize the key industries, restore the Soviet planned economy system and adopt some aspects of the German economy of the 1930s. Critics of this approach, however, highlight the incompatibility between the planned economy system and the private interest which drives investment and generates development. These researchers regard mobilization scenarios as a smokescreen for political agendas and a means of militarizing the economy. The author of the paper assumes that mobilization thinking was formed in the totalitarian society, under social inequality and the state's aggressive impact on public opinion. Accordingly, three sources of mobilization thinking can be identified: nationalism, social hierarchy, and the social consciousness aberration. Economic nationalism (or protectionism) appears in mobilization scenarios in the form of strict foreign exchange regulations and other isolationist policies. The paper shows that the lack of ethical principles can lead the proponents of nationalism to conclusions which are unacceptable from the conventional morality point of view. The deep-rooted ideas of inequality and superiority served as the second driver of mobilization thinking which rejects democracy and suggests a hierarchical system of social relationships. The social consciousness aberration is a product of the totalitarian society, where propaganda creates disrespect for the truth which invades science. The aberration comes in the shape of conspiracy theories, economic dogmatism and mythologization of history. Mobilization scenarios involve financial system reforms based on the practices of the Soviet and German prewar economies. The essence of the approach is to expand the use of directive methods and restrict financial markets, so that money and interest rate would become technical accounting indicators. The scenarios suggest directive methods of encouraging investment: setting differential lending rates, emitting "investment ruble", etc. Referring to the macroeconomic model of the "investment trap" and the history of voucher emission in Russia in the 1990s, the author demonstrates the method of creating "special assets" to be invalid.

Keywords: mobilization of resources; planned economy; historical method; protectionism; monetary policy

JEL classifications: B25, B51, E11, E58, N24

Введение

Неудачные попытки реализовать в России социалистическую, а затем либеральную модель хозяйства побуждают экономистов обращаться к исторической школе. Эта тенденция проявляется в разработке мобилизационных сценариев развития, основанных на единой системе представлений и ценностей, которую мы характеризуем

как мобилизационное мышление. Используя термин «экономическая мобилизация», следует учитывать различие его трех основных трактовок. Во-первых, в историко-экономических исследованиях мобилизация рассматривается как временная мера военного времени, которая может быть оправдана лишь целями выживания, поскольку создает угрозу свободному предпринимательству и традиционным свободам человека (Watkins, 1949; Harrison, 1988). Во-вторых, мобилизация внутренних, прежде всего, финансовых, ресурсов становится центральным элементом политики развития национальных экономик стран третьего мира, причем такая политика нередко приобретает националистические черты (Levinger & Lytle, 2001; Amir, 2007; Bekoe, Danquah & Senahey, 2016; Wujung & Aziseh, 2016). И, наконец, в рамках третьего направления, к которому относится данная статья, экономическая мобилизация предстает как чисто российская доктрина развития, набирающая силу в современном обществе под влиянием социально-экономического кризиса (Durand, 2008; Мау, 2014; Monaghan, 2016; Connolly, 2016; Cooper, 2016).

Авторы мобилизационных сценариев исходят из высокого риска внешних угроз и предлагают национализировать основные отрасли экономики, возродить основу советской плановой системы (С. Губанов, Д. Миропольский, В. Седов), заимствовать методы мобилизации ресурсов Германии 30-х гг. (А. Недосекин, М. Калашников, Е. Рейшахрит). Предпринимаются попытки теоретически и исторически обосновать возможность успешного сосуществования плановой системы и рынка; так, М. Воейков выступает за замену либеральной экономической теории на теорию «суженного рынка», который, по его мнению, был характерен для советской экономики (Воейков, 2014). Главным теоретическим аргументом критиков экономической мобилизации служит несовместимость плановой системы и частного интереса, который стимулирует инновации и служит источником развития. Мобилизация, напротив, предполагает «создание особого духовного подъема среди всех слоев населения, обеспечивающего готовность прилагать дополнительные усилия и даже идти на определенные жертвы (Седов, 2012, с. 12). Оппоненты отмечают оторванность мобилизационных сценариев от состояния институтов современного общества (Ханин, 2015, с. 55), неприятие их авторами мировых апробированных моделей политического и экономического развития, ставку на некий «особый» путь (Мамедов, 2015, с. 12). При сложившихся институтах разворот в направлении плановой системы и ограничения конкуренции в экономике и политике представляется западным авторам самоубийственным (Connolly, 2016), они связывают выбор такого пути со скрытыми политическими причинами. Так, главной целью индустриализации Р. Аллен считает укрепление личной власти вождя, а вовсе не рост благосостояния трудящихся (Allen, 2003, р. 2).

Цель статьи – выявить институциональные источники мобилизационного мышления, оценить обоснованность мобилизационных сценариев и их возможные последствия с акцентом на реформирование финансовой системы. Мы исходим из того, что мобилизационное мышление сформировалось в отсутствии демократии при социальном неравенстве и агрессивном воздействии государства на общественное мнение. Отсюда нами выделены три источника мобилизационного мышления: национализм, сословные традиции и аберрация общественного сознания.

Национализм и этическая ловушка

Первым источником мобилизационного мышления мы считаем национализм, составивший философскую основу немецкой исторической школы. Он нашел сторонника в лице С.Ю. Витте, который выступал против «космополитической» экономики и различал национализм здоровый и сильный, а также национализм болезненный, эгоистичный. Первый есть высшее проявление преданности государству, а второй обуравем мстостью и страстями, а потому «иногда выражается в формах диких для XX столетия» (Лист, 2005, с. 259). Экономический национализм, или протекционизм, основан

на теории торгового баланса меркантилистов, которая требует регулирования внешней торговли для накопления золота. Меркантилизм прочно укоренился в России, и даже в первой половине XVIII в., когда в Англии уже сформировалась концепция «невидимой руки», И. Посошков предлагал царю директивно устанавливать экспортные цены (Посошков, 1937, с. 203).

Идея торгового баланса проявляется в мобилизационных сценариях в форме мер жесткого валютного регулирования и других изоляционистских мер – выхода из ВТО, запрета иммиграции (Балацкий, 2015), отказа выплачивать внешний госдолг (Калашников, 2014, с. 102). С. Глазьев предлагает контролировать трансграничное движение денег по капитальным операциям, поскольку в противном случае развитие отечественной экономики будет подчинено «манипулированию из-за рубежа» (Глазьев, 2015, с. 126). Для этого предлагается контролировать курс рубля, например, существенно понизить его и зафиксировать на короткий срок.

Этическая ловушка возникает, когда ученый пересекает границу между «полезным» и «вредным» национализмом. Например, А. Недосекин называет нигерийцев «второстепенной» нацией и рассуждает о «семибанкирщине с авраамическим лицом», а мобилизационный план нацистской Германии он оценивает как экономическую успешность, причисляя к его достижениям национальную мифологию и идеологию. Мы считаем недопустимым в этическом плане относить к достижениям нацистского режима использование «принудительного труда беженцев и переселенцев (в обмен на еду и кров)» (Недосекин, 2015, с. 5, 17–20). Некорректные формулировки встречаются в других мобилизационных доктринах: «капитал не обладает национальностью – зато ею обладает персонифицированная, частнокапиталистическая собственность» (Губанов, 2011, с. 9).

Сословность против демократии

Укоренившиеся в российском обществе традиции неравенства и превосходства служат вторым фактором мобилизационного мышления. Сословное и национальное неравенство сменилось в 1917 г. гегемонией пролетариата, и институт демократии начал формироваться лишь в начале 90-х гг. Его слабость послужила для авторов мобилизационных сценариев основанием исключить демократические механизмы из схемы управления экономикой, которая строится ими по сословному или классовому принципу.

Бюрократия во главе с вождем выступает субъектом государственного управления в книге Д. Миропольского и соавторов. По их мнению, цивилизация всегда является империей, рыночной или плановой: первая ориентирована на богатство, а вторая – на прогресс, поскольку управляется бюрократией, у которой больше ресурсов для развития, чем у и бизнесмена. Поэтому бюрократия во главе с вождем «ощущает себя более могущественной и цельной», при этом «покоренные народы» лишаются частной собственности и подвергаются «эксплуатации ради прогресса». Бюрократия вправе регулировать потребление граждан, если она посчитает его «отсталым и деструктивным» (Миропольский, 2014, с. 192–194, 340). Стремление бюрократии безмерно расширять свой контроль над обществом О. Мамедов называет основой «мобилизационного вектора» развития (Мамедов, 2015, с. 12).

Термином «Знать» А. Недосекин обозначает высшее сословие – это те, которые «приняли решение воплощаться в современной России и записали себе в Предначертанье, в жизненные контракты – принять на себя ответственность за страну, за новую парадигму ее роста». «Знать» отличается от обычных людей тем, что она не вправе дожидаться, когда ее призовут на служение, когда ее отметят и «куда-нибудь выберут» большинством голосов. Автор наделяет ее правом подменять собой государство, и если оно не в состоянии учредить «штаб мобилизации», то это должна сделать «Знать». Предлагается исключить из Конституции определение России как демокра-

тического государства и закрепить в ней особую роль «Знати». На низшую ступень иерархии автор ставит «барыгу», за спиной которого во время революции стояла «мировая масоно-сионистская Закулиса». После предлагаемой «дебашыризации» барыга перестает быть «пупом земли и занимает строго отведенное ему место» (Недосекин, 2014, с. 41, 72, 77).

Воззрения автора диссонируют с ценностями демократии, но согласуются с идеями В. Зомбарта, который исходил из врожденного предрасположения народов к разным экономическим функциям и выделял сеньоральные и мещанские натуры. Первые – это единичные личности, равнодушные к благам, а мещане – это стадные люди, которые заботливо смотрят за расходом духа, силы и денег: «те мечтают – эти считают, те поют – эти беззвучны, те красочны – эти бесцветны». Он противопоставляет два типа народов: герои – это римляне, кельты и некоторые германские племена, а торговцы – это флорентийцы, шотландцы и евреи (Зомбарт, 2005, с. 254–255, 265–266). Как мы видим, «барыга» в классификации А. Недосекина соответствует народу торговцев, а Знать – народу героев, т.е. сословный подход автора находит поддержку у Зомбарта. Однако при его применении на практике необходимо учитывать историческое влияние работ немецкого ученого на теорию и практику национал-социализма. План создания правящего класса *когнитариев-креаторов* М. Калашникова противоречит предложенной им схеме выборов снизу-вверх: если власть сменяема, то в чем назначение класса? (Калашников, 2014, с. 238).

В целом, предлагаемые авторами ограничения демократии приведут, на наш взгляд, к снижению, а не повышению личной безопасности граждан. Так, В. Балацкий настаивает на жесткой борьбе с коррупцией и при этом в позитивном смысле упоминает опыт Китая, где с 2000 г. расстреляли за коррупцию 10 тыс. чиновников (Балацкий, 2015, с. 134). Мы же видим причину их гибели в отсутствии демократии: при контроле со стороны оппозиции и свободе печати они не получили бы широких возможностей для злоупотреблений и – остались бы живы.

Аберрация общественного сознания и ее формы

В недемократическом обществе сознание людей подвержено аберрации – отклонению от истины, заблуждению. Исторически складывается неуважительное отношение к истине, которое проникает в сферу науки. Аберрацию мы считаем третьим источником мобилизационного мышления, она проявляется в форме конспирологии, экономического догматизма и мифологизации истории.

Конспирология есть специфически российский элемент мобилизационного мышления. При царизме сложилось представление о том, что значимые политические решения принимаются тайно, а потому только скрытое может быть истинным. Конспирация доминировала как стиль ведения политики, и во время Первой мировой войны приняла острую форму, когда военные поражения стали относить на счет измены, и в результате шпионской истерии тысячи людей безвинно пострадали. Как замечает У. Фуллер, трудно преувеличить тот институциональный вред, который причинила эта фиксация на внутреннем враге, и эта травма способствовала утверждению в советском обществе сталинского сознания (Фуллер, 2009, с. 309).

В мобилизационных сценариях элементы конспирологии выражаются в критике Центрального банка, который служит неким символом рыночной системы. Так, С. Глазьев допускает приверженность руководства ЦБ неким чуждым стране интересам и считает, что проводимая в России денежно-кредитная политика объективно влечет колонизацию российской экономики иностранным капиталом (Глазьев, 2014). В духе конспирологии он трактует взаимодействие ЦБ с МВФ, который «влияет на политику Банка России не только посредством периодических указаний, но помогая внедрять соответствующие методики: экономико-математические модели, формальные представления о взаимозависимостях макроэкономических параметров» (Глазьев, 2015, с. 134).

На наш взгляд, использование достижений экономической науки, рекомендованных иностранными учеными и практиками, едва ли может свидетельствовать о приверженности руководства ЦБ к «чуждым стране интересам» или создавать опасность «колонизации». В схожем духе А. Недосекин оценивает роль ЦБ: по его мнению, он был создан в порядке контрибуции в пользу «фешенебельных» стран и является лишь формально независимым, а на деле превратился в филиал «вашингтонского обкома» (ФРС), а Россия – в колонию, замаскированную под независимую страну. Автор предлагает Центробанку набраться патриотизма, очистить себя от влияния «пятой колонны», стряхнуть с себя «морок монетаризма-фридманизма» (Недосекин, 2015, с. 20, 21, 29).

Экономический догматизм оказал важное влияние на развитие России. По мнению В. Мау, плановый фетишизм столетиями служил ключевой философией хозяйствования и стал главной проблемой советской системы. В условиях консервации политических институтов «возникает искушение прибегнуть к набору экзотических и опасных мер, как это уже было в СССР в конце 1920-х годов» (Мау, 2013, с. 17, 28, 450, 453). Догма о проведении советской индустриализации «своими силами» лежит в основании мобилизационных сценариев, в то время как факты доказывают решающую роль в ней иностранного участия. Советские авторы целенаправленно замалчивали беспрецедентный вклад американской компании А. Кана (Касьяненко, 1972), которая курировала возведение в стране более пятисот объектов, общей стоимостью 2 млрд долл., что в нынешних ценах составляет 200–250 млрд долл. (Шпотов, 2014).

Мифологизация истории – крайняя форма аберрационного сознания. Так, А. Недосекин исходит из гипотезы о существовании в прошлом внеземной цивилизации Гипербореи, основанной колонистами из созвездия Орион и оказавшей влияние на развитие России: «Гиперборея воскреснет сызнова, через Россию». Он определяет предмет своего исследования как «гиперборейская экономика и гиперборейские финансы», а к его целям относит «ускоренное пробуждение гиперборейской Знати, призванной от рождения к руководству Россией в смутные мобилизационные времена», а также подготовку трехсторонних переговоров с участием «элиты Гипербореи, Атлантиды и Планеты» (Недосекин, 2015, с. 81, 90, 108, 109). Слабость позиции автора мы видим в принятой им гипотезе о существовании Гипербореи, которая опровергнута в ряде исторических исследований (Bridgman, 2005).

Мобилизационные финансы: воспоминания о будущем

Мобилизационные сценарии предлагают реформы финансовой системы, основанные на опыте советской и германской экономики. Их сущность состоит в расширении директивных методов и ограничении рынка, в результате чего деньги и ставка процента становятся формальными учетными показателями. Так, С. Глазьев видит выход из стагфляционной ловушки в переходе к многоканальной системе рефинансирования банков под спрос на кредиты со стороны реального сектора, основанной на жестком государственном контроле целевого использования кредитов. При этом ставки рефинансирования по разным каналам должны быть дифференцированы (Глазьев, 2015, с. 134).

Идея прямого государственного финансирования важнейших проектов получила развитие в предложении А. Недосекина ввести «инвестиционный рубль» на беспроцентном кредитном базисе. В рамках правительства он предлагает организовать государственное казначейство, которое будет создавать учетные записи об «инвестиционных рублях» на основании его прямых распоряжений. Многоканальный принцип инвестирования обеспечивается «массивными перегородками» между контурами движения обычных и «инвестиционных» рублей. Таким образом, автор признает за правительством право печатать деньги и направлять их движение по альтернативным финансовым схемам, а свои выводы основывает на опыте выпуска векселей МЕФО в

нацистской Германии. Поскольку они обслуживали промежуточный спрос, то не попадали на потребительский рынок и не порождали инфляцию (Недосекин, 2015, с. 29, 47–48). Концепция финансовой реформы М. Калашникова противоречива: он считает сильной созданную Сталиным централизованную банковскую систему, но в то же время предлагает эмиссию векселей, аналогичных МЕФО (Калашников, 2014, с. 103).

Предлагаемый механизм эмиссии «особых» активов действительно способствовал развитию немецкой индустрии в 1930-х гг. и служил сокрытию тайных приготовлений к войне, поскольку операции с МЕФО не отражались в госбюджете. Но мы знаем много негативных примеров такого рода инноваций, и их провалы легко объясняет экономическая теория: новые активы конкурируют с деньгами, которые в итоге обесцениваются. Примером служит «ваучеризация» 1990-х гг. Несмотря на то что торговля ваучерами запрещалась, они обращались на рынке параллельно с рублями, подталкивая инфляцию. Если бы был выбран альтернативный вариант продажи акций населению за рубли, то результаты приватизации оказались бы более справедливыми, поскольку соотносились бы с трудовыми накоплениями. Тогда возможно удалось бы предотвратить формирование олигархии и обесценивание вкладов населения. Метод снижения процентных ставок для стимулирования инвестиций также уязвим с точки зрения теории, в которой нынешнее положение России характеризуется как «инвестиционная ловушка». Поскольку инвестиционный климат неблагоприятен (коррупция и др.), то риск вложений высок, а поэтому снижение ставки даже до нуля не привлечет инвесторов и не изменит объем инвестиций.

Заключение

Мобилизационные сценарии игнорируют институциональные факторы, в том числе этические, предлагают подход к формированию экономической политики, основанный на идеализации и обобщении опыта предвоенной мобилизации ресурсов тоталитарных обществ и попытках воспроизвести его без учета новых институциональных условий. Мобилизационное мышление опирается на отжившие институты, поэтому в условиях экономического и нравственного кризиса его элементы могут трансформироваться в социальные девиации: национализм – в антисемитизм и шовинизм, конспирология – в социальную паранойю и шпиономанию, мифологизация истории – в лженауку, сословные традиции – во всевластие бюрократии.

Литература

- Балацкий, Е. В. 2015. Мобилизационная экономика в условиях санкций // *Развитие и экономика*, № 13, с. 118–135.
- Воейков, М. И. 2014. Стратегия модернизации российской экономической системы // *Экономическое возрождение России*, № 3, с. 16–22.
- Глазьев, С. 2014. Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике // *Вопросы экономики*, № 9, с. 13–29.
- Глазьев, С. 2015. О таргетировании инфляции // *Вопросы экономики*, № 9, с. 124–135.
- Губанов, С. 2011. Системный выбор и уровень жизни // *Экономист*, № 11, с. 3–55.
- Зомбарт, В. 2005. *Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека*. СПб.: Владимир Даль.
- Калашников, М. 2014. *Мобилизационная экономика. Может ли Россия обойтись без Запада?* М.: Алгоритм.
- Касьяненко, В. И. 1972. *Завоевание экономической независимости СССР (1917–1940 гг.)*. М.: Политиздат.
- Лист, Ф. 2005. *Национальная система политической экономики*. М.: Европа.
- Мамедов, О. Ю. 2015. Веймар в ожидании «Брюмера» (Тоскливые заметки) // *Terra Economicus*, т. 13, № 2, с. 6–14.

Мау, В. А. 2013. *Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861–1929)*. М.: Дело.

Миропольский, Д. Ю., Максимцев, И. А., Тарасевич, Л. С. 2014. *Основы теоретической экономики*. СПб.: Питер.

Недосекин, А. О., Рейшахрит, Е. И. 2015. *Мобилизационная экономика по-русски*. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та.

Посошков, И. Т. 1937. *Книга о скудости и богатстве*. М.: Соцэкгиз.

Седов, В. В. 2012. Мобилизационная экономика прошлого – требование настоящего и будущего, с. 8–15 / В: Гончаров, Г. А., Баканов, С. А. (ред.) *Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века*. Челябинск: Энциклопедия.

Фуллер, У. 2009. *Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России*. М.: Новое литературное обозрение.

Ханин, Г. И. 2015. Экономический кризис 2010-х гг.: социально-политические истоки и последствия // *Terra Economicus*, т. 13, № 2, с. 46–57.

Шпотов, Б. М. 2014. *Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы: Лабиринты экономического сотрудничества*. М.: Либроком.

Allen, R. 2003. *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Amir, S. 2007. Nationalist Rhetoric and Technological Development: The Indonesian Aircraft Industry in the New Order Regime // *Technology in Society*, vol. 29, 283–293.

Bekoe, W., Danquah, M., and Senahey, S. K. 2016. Tax Reforms and Revenue Mobilization in Ghana // *Journal of Economic Studies*, vol. 43, no. 4, 522–534.

Bridgman, T. P. 2005. *Hyperboreans: Myth and History in Celtic-Hellenic Contacts*. N.Y.: Routledge.

Connolly, R. 2016. Security Above All // *Russia in Global Affairs*, no. 1, 111–118.

Cooper, J. 2016. The Military Dimension of a More Militant Russia // *Russian Journal of Economics*, vol. 2, no. 2, 129–145.

Durand, C. 2008. Between Developmentalism and Instrumentalization: The Comeback of Producing State in Russia // *Journal of Innovation Economics & Management*, vol. 2, no. 2, 171–191.

Glantz, D. 1992. *The Military Strategy of Soviet Union: A History*. London: Frank Cass.

Harrison, M. 1988. Resource Mobilization for World War II: the USA, UK, USSR, and Germany, 1938–1945 // *The Economic History Review*, vol. 41, no. 2, 171–192.

Levinger, M., and Lytle, P. F. 2001. Myth and Mobilization: the Triadic Structure of Nationalist Rhetoric // *Nations & Nationalism*, vol. 7, no. 2, p. 175–194.

Mau, V. 2014. Between Crises and Sanctions: Economic Policy of Russian Federation // *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, no. 4, 350–377.

Monaghan, A. 2016. Russian State Mobilization: Moving the Country on to a War Footing // *Chatham House. Research Paper*, May (<https://www.hathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2016-05-20-russian-state-mobilization/>).

Sutton, A. C. 1971. *Western Technology and Soviet Economic Development, 1930 to 1945*. Stanford, California: Hoover Institution Press.

Watkins, R. I. 1949. Economic Mobilization // *The American Political Science Review*, vol. 43, no. 3, 555–563.

Wujung, V. A., and Aziseh, F. I. 2016. Assessing the Effect of Domestic Resource Mobilization on the Economic Growth of Cameroon // *The IEB International Journal of Finance*, vol. 12, 66–89.

References

Allen, R. 2003. *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

- Amir, S. 2007. Nationalist Rhetoric and Technological Development: The Indonesian Aircraft Industry in the New Order Regime. *Technology in Society*, vol. 29, 283–293.
- Balatskiy, E. V. 2015. Mobilization Economy Under Crisis Conditions. *Razvitiye i Ekonomika*, no. 13, 118–135. (In Russian.)
- Bekoe, W., Danquah, M., and Senahey, S. K. 2016. Tax Reforms and Revenue Mobilization in Ghana. *Journal of Economic Studies*, vol. 43, no. 4, 522–534.
- Bridgman, T. P. 2005. *Hyperboreans: Myth and History in Celtic-Hellenic Contacts*. N.Y.: Routledge.
- Connolly, R. 2016. Security Above All. *Russia in Global Affairs*, no. 1, 111–118.
- Cooper, J. 2016. The Military Dimension of a More Militant Russia. *Russian Journal of Economics*, vol. 2, no. 2, 129–145.
- Durand, C. 2008. Between Developmentalism and Instrumentalization: The Comeback of Producing State in Russia. *Journal of Innovation Economics & Management*, vol. 2, no. 2, 171–191.
- Fuller, W. 2009. *Enemy Within Spy Mania Decline Imperial Russia*. Moscow: Novoe lit. obozrenie. (In Russian.)
- Glantz, D. 1992. *The Military Strategy of Soviet Union: A History*. London: Frank Cass.
- Glazyev, S. 2014. Sanctions of USA and the Policy of the Bank of Russia: Double Blow to the National Economy. *Voprosy Ekonomiki*, no. 9, 13–29. (In Russian.)
- Glazyev, S. 2015. On Inflation Targeting. *Voprosy Ekonomiki*, no. 9, 124–135. (In Russian.)
- Gubanov, S. 2011. System Choice and Welfare. *Ekonomist*, no. 11, 3–55. (In Russian.)
- Harrison, M. 1988. Resource Mobilization for World War II: the USA, UK, USSR, and Germany, 1938–1945. *The Economic History Review*, vol. 41, no. 2, 171–192.
- Kalashnikov, M. 2014. Mobilization Economy. Does Russia Able to Dispense with West? Moscow: Algoritm. (In Russian.)
- Kasyanenko, V. I. 1972. Conquest of economic independence of USSR (1917–1940). Moscow: Politizdat. (In Russian.)
- Khanin, G. I. 2015. The Economic Crisis of 2010s: The Social and Political Origins and Consequences. *Terra Economicus*, vol. 13, no 2, 46–57. (In Russian.)
- Levinger, M., and Lytle, P. F. 2001. Myth and Mobilization: the Triadic Structure of Nationalist Rhetoric. *Nations & Nationalism*, vol. 7, no. 2, p. 175–194.
- List, F. 2005. *National System of Political Economy*. Moscow: Evropa. (In Russian.)
- Mamedov, O. Y. 2015. Weimar While Waiting for “Brumaire” (Melancholy Notes). *Terra Economicus*, vol. 13, no. 2, 6–14. (In Russian.)
- Mau, V. 2014. Between Crises and Sanctions: Economic Policy of Russian Federation. *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, no. 4, 350–377.
- Mau, V. A. 2013. *Reforms and Dogmas. State and Economy Over the Period of Reforms and Revolutions (1861–1929)*. Moscow: Delo. (In Russian.)
- Miropolskiy, D. Y., Maksimtsev, I. A., and Tarasevich, L. S. 2014. *Principles of Theoretical Economy*. St. Petersburg: Piter. (In Russian.)
- Monaghan, A. 2016. Russian State Mobilization: Moving the Country on to a War Footing. *Chatham House. Research Paper*, May (<https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2016-05-20-russian-state-mobilization/>).
- Nedosekin, A. O., and Reyshakhrit, E. I. 2015. *Mobilization Economy in Russian*. St. Petersburg: Izdatelstvo Politekhnikheskogo Universiteta. (In Russian.)
- Pososhkov, I. T. 1937. *Book on Poverty and Wealth*. Moscow: Sotsekgiz Publ. (In Russian.)
- Sedov, V. V. 2012. Mobilization Economy of Past – Requirements of Present and Future, pp. 8–15/ In: Goncharov, G. A, and Bakanov, S. A. (eds.). *Mobilization Model of Economy: Historical Experience of Russia in XX Century*. Chelyabinsk: Entsiklopediya. (In Russian.)
- Shpotov, B. M. 2014. *American Business and Soviet Union in 1920–1930-th Years: Labyrinths of Economic Cooperation*. Moscow: Librokom. (In Russian.)

- Sombart, W. 2005. *Bourgeois*. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ. (In Russian.)
- Sutton, A. C. 1971. *Western Technology and Soviet Economic Development, 1930 to 1945*. Stanford, California: Hoover Institution Press.
- Voeykov, M. I. 2014. Strategy of Mobilization of Russian Economic System. *Ekonomicheskoye Vozrozhdeniye Rossii*, no. 3, 16–22. (In Russian.)
- Watkins, R. I. 1949. Economic Mobilization. *The American Political Science Review*, vol. 43, no. 3, 555–563.
- Wujung, V. A., and Aziseh, F. I. 2016. Assessing the Effect of Domestic Resource Mobilization on the Economic Growth of Cameroon. *The IEB International Journal of Finance*, vol. 12, 66–89.